
КСЕНИЯ СОБОЛЕВА
FASHION AWARDS
ПОДРУГА, ТЫ УКРАЛА МОЁ ИМЯ

Ксения Соболева

Подруга, ты украла моё имя!

«Литнет»
2026

Соболева К.

Подруга, ты украла моё имя! / К. Соболева — «Литнет», 2026

— Эта коллекция создана мной! — говорю я в зал, а через минуту узнаю, что лучшая подруга уже заблокировала мой пропуск в мастерскую. Семнадцать лет я придумывала модели для нашей марки, пока яркая и обаятельная Жанна выступала перед покупательницами и журналистами. Теперь она получила награду за мою работу, назвала меня бывшей швеёй и объявила больной, уверенная, что я снова промолчу.В сорок девять лет мне придётся начинать с двух старых столов, нескольких тетрадей и собственного имени, которое давно превратилось в чужую вывеску. Большинство знакомых выбирает Жанну — у неё остались салон, деньги и репутация, а у меня только женщины, помнящие мои руки, и фотограф Олег, отказавшийся участвовать во лжи.Олег не станет возвращать мне карьеру и сражаться вместо меня. Он лишь останется рядом, пока я заново учусь говорить за себя, доверять людям и не исчезать за чужими спинами. Но чтобы вернуть имя, мне придётся победить не только бывшую подругу — мне нужно перестать быть женщиной, которая сама уступает другим своё место.

© Соболева К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Награда для одной 5
Глава 2. Коробка у закрытой двери 12
Глава 3. То, что осталось дома 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1. Награда для одной

Пар от ручного отпаривателя поднимался к чёрным перекрытиям сцены, смешивался с запахом нагретой ткани, лака для волос и пудры, которой визажисты припорашивали блестящие от волнения лица моделей. За плотной кулисой звучала музыка, пока ещё негромкая, проверочная, но от низких ударов дрожал металлический каркас стойки с одеждой. Маргарита Арсеньева провела ладонью вдоль бокового шва тёмно-зелёного платья и недовольно поджала губы. На неподвижном манекене ткань ложилась правильно, а на живом теле потянулась к левому бедру, едва заметно нарушив линию, ради которой три недели назад переделывали всю основу. Девушка перед ней стояла, приподняв руки и стараясь не дышать, словно боялась, что даже воздух способен испортить дорогую вещь.

— Опусти плечи, Лена, — попросила Маргарита, присев перед моделью и нащупывая пальцами натяжение под подкладкой. — Не так, будто тебя сейчас будут судить, а как стоишь дома перед зеркалом. Вот, уже лучше. Алина, дай мне тонкую иглу и зелёную нить, только не ту, что лежит сверху: она светлее и на сцене покажется почти серой.

Алина, державшая на запястье подушечку с булавками, сразу потянулась к небольшой коробке на столе. Она работала в RITA третий год, умела не задавать вопросов в неподходящий момент и всё чаще получала от Жанны поручения, о которых Маргарита узнавала последней. Пока это раздражало, но не тревожило: Жанна всегда любила ускорять работу, обходя установленный порядок, а потом уверяла, что спасает всех от лишних разговоров. Маргарита собиралась после премии наконец усадить её в кабинете и договориться, чтобы любые изменения в мастерской снова проходили через неё. В последние месяцы слишком многое решалось на ходу, а признание за коллекцию, о котором Жанна говорила с утра до вечера, будто бы лишало её способности думать о чём-то ещё.

— Здесь? — спросила Алина, протягивая катушку и наклоняясь ближе. — Я тоже увидела, что бок ушёл, но на репетиции всё было ровно. Может, она просто иначе встала?

— Поэтому мы шьём на женщин, а не на манекены, — ответила Маргарита без раздражения и коротким движением распорола несколько стежков. — Встанет иначе, сядет, поднимет руку, обнимет кого-нибудь — платье всё равно должно остаться платьем. Если вещь требует от человека не двигаться, ошибся не человек.

Лена чуть слышно выдохнула и наконец опустила плечи. Маргарита поправила подкладку, забрала лишние полсантиметра, закрепила ткань и попросила девушку пройти несколько шагов между стойками. Та послушно развернулась, едва не столкнулась с визажистом, который пятился, рассматривая чужое лицо, затем вернулась и подняла руки уже без прежнего страха. Шов остался на месте. Маргарита кивнула Алине, и та быстро записала что-то в блокнот, хотя для одной вечерней примерки запись была уже не нужна. После сегодняшнего показа платье отправлялось в салон, где его собирались выставить рядом с фотографией Жанны и табличкой о коллекции, удостоенной премии.

За кулисой кто-то позвал моделей на построение, и тесное пространство пришло в движение. Девушки подхватили подолы, помощницы начали проверять номера выходов, а координатор с гарнитурой на голове пробежала вдоль стойки и потребовала убрать всё лишнее с прохода. Маргарита отступила к столу, машинально складывая иглы в футляр, и посмотрела на ряд готовых вещей. Половину этой коллекции она придумала прошлой осенью, когда ранний снег превратил город в серо-белое пятно, и Маргарите вдруг захотелось цвета, который не выглядел бы нарядным вызовом. Так появились приглушённый зелёный, густой синий, винный и тёплый серый, а затем — мягкие линии плеч, глубокие карманы и складки, не увеличивавшие фигуру при движении. Жанна сначала называла коллекцию слишком спокойной, потом увидела первые заказы и объявила её самым зрелым высказыванием RITA.

— Рита, ты здесь? — раздался голос Жанны, уверенный и чуть нетерпеливый даже в тот момент, когда она звала человека, стоявшего в трёх шагах от неё. — Посмотри, пожалуйста, сзади. Мне кажется, застёжка цепляет волосы.

Жанна появилась между двумя стойками в длинном синем платье, которое Маргарита закончила специально для церемонии. Цвет делал её светлую кожу почти фарфоровой, а узкий вырез на спине оставлял открытой ровно ту часть, которую можно было показать без нарочитости. Жанна умела носить одежду так, словно вещь была придумана уже после того, как она вошла в комнату. Она выпрямлялась перед камерой, чуть поворачивала подбородок, находила свет без подсказки фотографа и никогда не задавала вопроса, хорошо ли выглядит. В свои сорок восемь она нравилась себе достаточно, чтобы убедить в этом остальных, и Маргарита много лет считала такое качество редким даром, необходимым им обеим.

— Волосы не при чём, — сказала Маргарита, отводя прядь от шеи подруги и проверяя маленький крючок над молнией. — Ты его погнула. Наверное, когда переодевалась. Стой спокойно, сейчас заменю.

— Только быстрее, меня через пять минут ждут у пресс-стены, — попросила Жанна, но осталась неподвижной и убрала телефон в ладонь, чтобы не мешал. — И не смотри на меня так строго. Я сегодня имею право что-нибудь сломать от волнения.

— Ты от волнения только говоришь вдвое больше обычного, — заметила Маргарита, доставая из футляра запасной крючок. — Ломаешь ты всегда потому, что торопишься и тянешь всё сразу.

Жанна улыбнулась их старой шутке, однако улыбка быстро исчезла, стоило телефону снова завибрировать. На экране вспыхнуло имя женщины, занимавшейся рекламой RITA, и Жанна отклонила звонок, не прочитав сообщение при Маргарите. Она вообще весь вечер держалась странно: проверяла время, несколько раз уходила разговаривать в коридор, а перед началом репетиции попросила Алину показать ей папку с последовательностью моделей, хотя прежде никогда не интересовалась подобными мелочами. Маргарита списывала это на премию. За семнадцать лет RITA получала благодарности, участвовала в городских показах и дважды побеждала в небольших профессиональных конкурсах, но сегодняшнюю награду Жанна считала переходом в другой круг, где их марку наконец перестанут воспринимать как хороший местный салон.

Маргарита закрепила новый крючок и разгладила ткань вдоль спины. Под пальцами попалась вшитая у горловины этикетка — четыре белые буквы на тёмно-синем фоне, ровные, давно знакомые. Первые такие этикетки они заказывали семнадцать лет назад сотней штук, а потом сами вырезали из длинной ленты на кухне Жанны. Название тогда появилось почти случайно. Одна из первых покупательниц, не запомнив фамилии Маргариты, спросила у Жанны, остались ли ещё «Ритины платья», и та вечером принесла бутылку дешёвого шампанского, поставила её между тарелками с остывшими макаронами и заявила, что лучшего имени им не придумать.

«Ты же Рита, а платья твои, — сказала она тогда, смеясь и подталкивая к Маргарите лист бумаги. — Пусть так и называются. Коротко, понятно и про тебя». Маргарита возражала, что имя слишком обычное, что покупателям понадобится что-нибудь красивее и загадочнее, но Жанна нарисовала четыре большие буквы и обвела их прямоугольником. Потом они выпили шампанское из чайных чашек, потому что бокалов у Жанны не нашлось, и до полуночи спорили, какой должна быть первая вывеска. Маргарита помнила тот вечер яснее, чем многие семейные праздники.

— Всё, готово, — произнесла она, отпуская ткань и слегка поворачивая Жанну за плечи. — Можешь идти. Только не проси никого потом затянуть молнию сильнее, здесь уже ничего не нужно утягивать.

— Я всегда тебя слушаю, — ответила Жанна с той лёгкостью, которая прежде казалась Маргарите обаятельной, а сегодня почему-то прозвучала как торопливая попытка закончить разговор. Она уже сделала шаг к проходу, но вернулась и коснулась пальцами локтя подруги. — После показа сядешь в зале. Я оставила тебе место рядом с командой. Это и твой вечер тоже, Рита, даже если тебя опять придётся силой вытаскивать из-за кулис.

— Не придётся, — заверила Маргарита, убирая иглу. — Я хочу посмотреть, как всё выглядит из зала. Только сначала проверю последний выход.

Жанна кивнула, задержала на ней взгляд и словно собиралась добавить что-то ещё, но координатор уже звала её к фотографам. Через несколько секунд синее платье исчезло за кулисой, а впереди вспыхнули камеры и послышались приветственные возгласы. Маргарита накрыла ладонью футляр с иглами и несколько мгновений смотрела туда, где только что стояла подруга. Волнение Жанны она знала во всех видах: громкое, деятельное, раздражительное, иногда почти детское. Сегодня к нему примешивалось нечто другое, но у Маргариты не было времени подбирать этому название.

Проверив последние вещи, она прошла к краю сцены, где Олег Грачёв снимал выходы с репетиции. Он стоял, опустившись на одно колено, и ждал, пока модель в светлом брючном костюме повернётся под нужным углом. Маргарита показала девушке ладонью, что следует замедлиться, и Олег успел сделать несколько кадров до того, как она скрылась за ширмой. Он поднялся, посмотрел на экран камеры и удовлетворённо кивнул.

— Если бы ты разрешала снимать себя так же часто, как поправляешь остальных, у RITA давно был бы отдельный альбом про настоящую хозяйку мастерской, — сказал Олег, переводя взгляд с фотографии на Маргариту. — Здесь опять только твоя рука попала в кадр. Скоро люди решат, что одежду перед выходом исправляет какое-то местное привидение.

— Показывать нужно платье, а не женщину с булавками во рту, — возразила Маргарита и вынула из кармана две забытые булавки, словно поймала себя на подтверждении его слов. — Ты лучше проверь синий костюм на третьем выходе. На репетиции свет съел весь оттенок.

— Уже попросил немного изменить его сверху, — ответил Олег, не продолжая спор. — А Жанну сегодня лучше снимать только справа. Она сама так сказала, хотя обычно требует оба профиля и ещё один, которого у человека быть не может.

Маргарита усмехнулась и пошла к моделям. Олег работал с ними последние пять лет и успел привыкнуть к порядку, при котором Жанна появлялась перед камерой, когда всё было готово, а Маргарита покидала кадр за мгновение до первого щелчка. Он иногда пытался оставить её на общих фотографиях, но она отмахивалась, ссылаясь на растрёпанные волосы, рабочую одежду или срочное дело. Маргарита не считала это уступкой. Ей действительно было спокойнее среди столов, ткани и людей, которые спрашивали не о вдохновении, а о конкретной складке или длине рукава.

Когда модели выстроились для первого выхода, Маргарита отошла в зал. На её нагрудной карточке значилось: «Маргарита Арсеньева, руководитель мастерской RITA». Жанна получила карточку с более крупной надписью: «Основатель и дизайнер RITA». Маргарита заметила это ещё на регистрации и хотела спросить, почему организаторы назвали подругу дизайнером, но их сразу развели в разные стороны. Теперь она снова вспомнила о карточках и решила поговорить после вручения, когда Жанна перестанет отвечать на три сообщения одновременно и торопить всех вокруг.

Место Маргариты находилось в конце ряда рядом с двумя сотрудницами салона. Перед ними сидели владельцы городских магазинов, журналисты и организаторы, а ближе к сцене оставалось свободное кресло для Жанны. Свет погас, и на большом экране появился короткий ролик о номинантах. В отрывке, посвящённом RITA, Жанна проходила между рядами одежды, касалась ткани и улыбалась в камеру. Затем показали несколько эскизов без подписи и готовые модели на улицах города. Маргарита узнала собственную руку по маленькой пометке возле

воротника, но в следующую секунду рисунок сменился крупным планом Жанны, и зрителям могло показаться, что именно она только что отложила карандаш.

Аплодисменты начались раньше, чем погас экран. Сотрудница салона справа от Маргариты наклонилась к ней и прошептала, что ролик получился прекрасным, хотя на последних кадрах зелёное платье выглядело темнее, чем в жизни. Маргарита согласилась и заставила себя не возвращаться мысленно к чужой руке над своими эскизами. Рекламные съёмки всегда упрощали настоящее устройство работы. Жанна не раз объясняла, что покупателю нужен один человек, с которым легко связать марку, а Маргарита сама отказывалась от интервью и просила не ставить её перед камерой. Нечестным это начало казаться только сегодня, когда упрощение вдруг стало слишком похожим на замену.

Церемония шла почти час. Награждали владельцев небольших производств, молодых дизайнеров, организаторов городских мероприятий. Жанна несколько раз возвращалась на своё место, но почти сразу снова уходила к знакомым и фотографам. Однажды она оглянулась на Маргариту, встретилась с ней глазами и подняла большой палец, словно всё происходило именно так, как должно. Маргарита ответила коротким кивком. Рядом зашептались сотрудницы: ведущая объявила главную номинацию вечера.

На экране снова появилась надпись RITA, и зал встретил её тёплыми аплодисментами. Маргарита почувствовала, как сидевшая рядом женщина схватила её за руку, радуясь общей победе, а сама посмотрела на вещи, появившиеся на сцене. Зелёное платье двигалось теперь без малейшего перекоса. Винный костюм не потерял глубины под ярким светом, а светлая накидка раскрылась во время поворота именно так, как Маргарита рассчитывала ещё на первом рисунке. На несколько секунд ей стало легко. Всё, над чем они работали долгие месяцы, выдержало свет, движение и чужие взгляды.

Ведущая объявила RITA победителем, и Жанна поднялась на сцену. Она шла медленно, успевая улыбнуться людям по обе стороны прохода, и синее платье скользило за ней ровной тяжёлой волной. Получив прозрачную статуэтку, Жанна прижала её к груди, дождалась, пока утихнут аплодисменты, и подошла к микрофону. Маргарита знала, что речь готовилась заранее: последние два дня Жанна несколько раз закрывалась в кабинете с женщиной из рекламного агентства и просила никого не входить. Подруга не любила полагаться на вдохновение там, где на неё смотрело больше десяти человек.

— Семнадцать лет назад у меня не было ни салона, ни известного имени, ни людей, готовых поверить в мою идею, — начала Жанна, обводя зал спокойным взглядом. — Была маленькая комната, старая машинка и уверенность, что женщинам нужна одежда, в которой они не обязаны выбирать между красотой и собственной жизнью. Я нашла первую швею, уговорила её помочь мне, и с нескольких платьев началась история RITA.

Маргарита сначала решила, что Жанна неудачно упростила начало ради короткой речи. Маленькая комната действительно была, хотя машинка принадлежала Маргарите, как и первые платья. Продавала их Жанна, и без неё три готовые вещи могли ещё долго провисеть в шкафу. Маргарита ждала продолжения, в котором прозвучит привычное «мы», способное вернуть всё на место, но Жанна крепче обхватила статуэтку и заговорила увереннее.

— RITA никогда не была конкретной женщиной, — продолжила она, и на экране за её спиной появился белый логотип. — Это образ, который я придумала, наблюдая за нашими покупательницами. В нём есть решительность, нежность, зрелость и право не прятаться. Все эти годы я создавала коллекции для женщин, которые хотят оставаться собой, и сегодняшняя награда подтверждает: мы выбрали правильный путь.

Ладони Маргариты похолодели. Она смотрела не на Жанну, а на четыре буквы, занимавшие почти весь экран, и слышала давний смех на маленькой кухне, звон чайных чашек, по которым разливали дешёвое шампанское, и голос подруги: «Ты же Рита, а платья твои». Произ-

несённое со сцены не было ошибкой, которую можно исправить после церемонии. Жанна забирала не только коллекцию. Она отказывалась даже от памяти о том, откуда появилось название.

— Я благодарна людям, которые в разные годы помогали мне воплощать задуманное, — сказала Жанна, слегка повернувшись к той части зала, где сидела команда. — Сегодня здесь находится Маргарита Арсеньева, наша первая швея, со временем возглавившая мастерскую. К сожалению, здоровье больше не позволяет ей выдерживать прежнюю нагрузку, и Маргарита решила завершить работу в RITA. Я хочу, чтобы вы поаплодировали женщине, которая много лет помогала превращать мои идеи в готовые вещи.

Первые хлопки прозвучали неуверенно, затем зал подхватил предложенную благодарность. Сотрудница справа повернулась к Маргарите с растерянным лицом, а женщина слева отдёрнула ладонь, которой ещё недавно держала её за руку. Где-то в проходе поднялся телефон. Маргарита слышала аплодисменты и видела обращённые к ней лица, но не могла сразу совместить их с тем, что только что произошло. Жанна не просто солгала одолжности или приписала себе удачную модель. Она публично объявила Маргариту больной, приняла за неё решение об уходе и предложила залу проводить её из собственной жизни благодарными хлопками.

Жанна смотрела прямо на неё. Улыбка оставалась мягкой, почти печальной, словно подруга ожидала, что Маргарита послушно поднимется, склонит голову и поможет закончить приготовленную сцену. В этом взгляде не было страха перед разоблачением. Жанна была уверена, что семнадцать лет привычного молчания продолжатся ещё несколько минут.

Маргарита поднялась. Колени не дрожали, хотя холод от ладоней уже дошёл до локтей, а ворот жакета вдруг стал слишком тесным. Сотрудница рядом потянулась к ней, словно хотела удержать или помочь выйти в проход, но Маргарита отстранила её руку и шагнула к краю ряда. Аплодисменты начали стихать. Ведущая заметила движение, улыбнулась и спустилась со сцены с переносным микрофоном, вероятно решив, что сейчас прозвучит заранее предусмотренная благодарность.

— Маргарита, вы хотите что-нибудь сказать? — спросила ведущая, протягивая ей микрофон и понижая голос до доверительной интонации. — Думаю, для всей вашей команды это очень важный вечер.

Маргарита взяла микрофон обеими руками. На сцене Жанна едва заметно качнула головой, но было поздно: телефоны уже повернулись к залу, а ведущая отступила, освобождая место. Маргарита почувствовала запах собственной кожи на металлической сетке микрофона, услышала короткий свист колонок и заставила себя смотреть не на десятки лиц, а на женщину в синем платье, застёжку на котором она только что заменила своими руками.

— Да, я хочу поправить Жанну, — произнесла Маргарита, и первые слова прозвучали хрипло, поэтому ей пришлось вдохнуть и продолжить громче. — Я здорова. Об уходе из RITA я услышала сейчас вместе со всеми вами и никаких подобных решений не принимала. Эту коллекцию, получившую сегодня награду, от первого эскиза до последней примерки создала я. Как и все предыдущие коллекции RITA.

В зале установилась тишина, в которой Маргарита отчётливо услышала щелчки камер. Ведущая застыла рядом, не решаясь забрать микрофон, а оператор у сцены перевёл объектив с Маргариты на Жанну. Олег стоял чуть в стороне от него и больше не снимал. Он опустил камеру, нахмурился и смотрел на сцену так, словно проверял, правильно ли услышал знакомые слова.

Жанна не ответила. Только пальцы на прозрачной статуэтке сжались сильнее, а улыбка стала неподвижной. Она перевела взгляд на ведущую, потом на людей в первом ряду и снова чуть склонила голову, сохраняя выражение благодарности. Ни возмущения, ни попытки поправить Маргариту не последовало. Это молчание подтвердило больше, чем мог бы подтвердить спор.

Ведущая первой пришла в себя. Она осторожно забрала микрофон, произнесла несколько слов о том, что в истории каждой большой команды бывают сложные моменты, и попросила ещё раз поздравить победителя. Музыка зазвучала слишком громко и сразу, модели вернулись на сцену, а помощник организатора жестом пригласил Маргариту сесть. Аплодисменты возобновились, но теперь люди хлопали несогласованно, продолжая оглядываться на неё и перешёптываться.

Маргарита опустилась в кресло только потому, что оставаться в проходе стало бессмысленно. Перед глазами двигались созданные ею платья, а в центре стояла Жанна, принимавшая поздравления с чужой работой. Девушки на сцене улыбались, не понимая, куда смотреть. Маргарита заметила, что Лена в зелёном платье снова подняла плечи, но боковой шов всё равно остался ровным. Эта маленькая профессиональная удача показалась сейчас почти издевательской.

Как только объявили следующую часть программы, Маргарита вышла из ряда и направилась к служебному коридору. За кулисами царила другая тишина, напряжённая и неповоротливая. Алина складывала аксессуары в коробку, хотя до окончания церемонии оставалось ещё несколько выходов, и так внимательно смотрела на собственные руки, что не заметить это старание было невозможно. Координатор разговаривала по гарнитуре, повторяя кому-то, что пресс-подход задерживается.

— Где Жанна? — спросила Маргарита, остановившись возле стола. Голос уже не хрипел, но звучал непривычно ровно, и Алина наконец подняла глаза. — Она прошла сюда или ушла в зал для прессы?

— Её отвели к журналистам через другой выход, — ответила девушка, прижимая коробку к животу. — Маргарита… я не знала, что она скажет про ваш уход. Нам говорили только, что после премии изменится распределение работы.

— Какое распределение? — спросила Маргарита, и Алина растерянно посмотрела в сторону координатора. — Кто должен был заняться следующей коллекцией?

— Жанна сказала, что потом всё объяснит, — произнесла девушка, переступая с ноги на ногу. — Я думала, вы сами договорились. Правда думала.

Маргарита не стала требовать подробностей посреди тесного коридора. Испуг Алины был настоящим, но вместе с ним в её лице читалось понимание, которого у Маргариты до сегодняшнего вечера не было. Значит, изменения начались не несколько минут назад и не из-за её слов в зале. Пока она заканчивала коллекцию, исправляла посадку и готовила вещи к награждению, Жанна уже распределяла работу, в которой для неё не оставалось места.

У двери в зал для прессы стояла сотрудница организаторов и, увидев Маргариту, сразу шагнула навстречу. Она вежливо объяснила, что Жанна отвечает на вопросы и прерывать встречу нельзя. Маргарита попросила передать, что ждёт её после окончания церемонии, но женщина отвела взгляд и сказала, что госпожа Ланская уедет через служебный выход. Слова были произнесены слишком быстро, будто инструкции поступили заранее.

Маргарита вернулась в фойе, где гости уже покидали свои места, фотографировались у стендов и обсуждали произошедшее вполголоса. Несколько человек посмотрели на неё с любопытством, одна женщина даже двинулась навстречу, но остановилась, когда её окликнули знакомые. Маргарите сейчас не хотелось ни поддержки, ни вопросов. Она забрала пальто, надела его, не застёгивая, и пошла к выходу мимо огромного баннера RITA, на котором Жанна улыбалась в камеру в сером костюме из прошлогодней коллекции.

Телефон завибрировал прежде, чем Маргарита дошла до стеклянных дверей. Сначала рабочая почта потребовала заново ввести пароль, затем приложение закрылось и сообщило, что учётная запись больше недоступна. Через несколько секунд пришло сообщение от администратора салона. Девушка извинялась за позднее уведомление и сообщала, что по распоря-

жению Жанны Ланской пропуск Маргариты деактивирован, поэтому утром ей не следует приезжать без предварительного согласования.

Маргарита перечитала сообщение дважды, затем подняла голову и посмотрела сквозь стекло на тёмную улицу. За спиной продолжали смеяться гости, звякали бокалы, а фотограф просил кого-то встать ближе к логотипу. Теперь уже не оставалось возможности объяснить случившееся волнением, неудачной речью или чужим советом. Пока Маргарита застёгивала Жанне платье и проверяла каждый шов своей коллекции, подруга заранее закрыла перед ней дверь мастерской.

Глава 2. Коробка у закрытой двери

Маргарита вышла на улицу, и холодный влажный воздух ударил в лицо, пахнув дождём, бензином и первой солью, которой уже успели посыпать блестевший под фонарями тротуар. Она застегнула пальто только возле машины, несколько раз промахнувшись пуговицей мимо петли, затем села за руль и положила телефон на соседнее сиденье экраном вверх. Сообщение администратора оставалось открытым. Девушка из салона дважды извинилась, прежде чем сообщить, что пропуск заблокирован по распоряжению Жанны, словно вежливость могла превратить закрытую дверь в обычное изменение расписания.

Маргарита позвонила подруге ещё до того, как завела двигатель. Гудки шли долго, затем оборвались, и на экране появилось уведомление о сброшенном вызове. Со второй попыткой произошло то же самое. В мессенджере Жанна была в сети, но короткое сообщение с просьбой немедленно поговорить осталось непрочитанным. Маргарита смотрела на две серые отметки рядом с текстом и всё ещё пыталась убедить себя, что личный разговор заставит происходящее принять хотя бы понятную форму. Речь со сцены могла быть ложью, блокировка — заранее подготовленным ударом, но семнадцать лет никуда не исчезли за тот час, пока Жанна держала в руках статуэтку.

До салона было около двадцати минут езды. Маргарита проехала их почти не замечая дороги, удерживая внимание на светофорах, мокрой разметке и красных огнях впереди, потому что стоило позволить мыслям отойти хоть немного в сторону, как в памяти снова звучало: «Первая швея, которая помогала воплощать мои идеи». Каждое слово отдельно было безобидным и даже благодарным. Вместе они превращали семнадцать лет её жизни в длинную услугу, оказанную женщине, которая якобы придумала всё сама.

Салон RITA занимал первый этаж старого делового здания в центре города. Днём большие окна отражали прохожих и автомобили, а вечером позволяли увидеть подсвеченные стойки, светлые стены и три манекена в платьях из новой коллекции. Маргарита сама выбирала их расположение, несколько раз переставляла центральный манекен и заставила электрика опустить лампу, потому что прежний свет делал винную ткань бурой. Сейчас в пустом помещении горели только боковые светильники, и одежда за стеклом казалась выставленной не на продажу, а на хранение после закрытия музея.

Она приложила пропуск к чёрной панели возле служебной двери. Вместо привычного зелёного огонька вспыхнул красный, и замок не отозвался. Маргарита попробовала снова, медленнее, хотя прекрасно знала, что скорость движения карточки ничего не меняет. Красный огонёк появился ещё раз. За стеклянной перегородкой поднялся охранник Сергей Петрович, много лет работавший в здании, посмотрел сначала на неё, потом куда-то под стол и не сразу вышел из своей небольшой комнаты.

— Маргарита Сергеевна, мне передали, что вы приедете, — сказал он, открывая внутреннюю дверь своим ключом, но не отходя в сторону, чтобы пропустить её дальше. На его лице застыло то выражение неловкой служебной вины, с которым люди сообщают чужое решение и заранее просят не делать их ответственными. — У меня для вас вещи. Жанна Вадимовна распорядилась всё собрать и оставить здесь.

Он вернулся к столу и вынес картонную коробку, заклеенную широкой прозрачной лентой. Сверху чёрным маркером было написано: «Арсеньева М. С. Личное». Почерк принадлежал администратору салона, и Маргарита почему-то сразу вспомнила, как утром эта же девушка принесла в мастерскую кофе и попросила посмотреть юбку, которую собиралась надеть на свидание. Теперь её аккуратные буквы обозначали человека, которого больше не следовало пускать внутрь.

— Кто собирал? — спросила Маргарита, не принимая коробку, и Сергей Петрович провёл ладонью по седым волосам. — Жанна уже здесь?

— Она приехала минут десять назад с другого входа, — ответил охранник, понизив голос, хотя поблизости никого не было. — Коробку вынесла администратор ещё вечером, до церемонии. Я ничего не трогал, вы же понимаете. Мне сказали только пропуск отключить и ждать.

До церемонии. Маргарита посмотрела на коробку, затем на красный огонёк панели и почувствовала, как холод, принесённый с улицы, остаётся под пальто, хотя в вестибюле было душно. Значит, её кружку, туфли и кардиган складывали в картон ещё в то время, когда она проверяла зелёное платье и пришивала крючок на спину Жанны. Возможно, администратор проходила мимо неё с этой коробкой, а Маргарита не обратила внимания, потому что вокруг носили десятки чехлов и пакетов.

— Я поговорю с ней и заберу свои рабочие вещи, — сказала Маргарита, поднимая коробку с края стола. Она оказалась легче, чем ожидалось, словно семнадцать лет в одном помещении оставили после себя несколько предметов, которые без труда мог унести один человек. — Откройте мне салон. Я не собираюсь вламываться в мастерскую или что-нибудь выносить без свидетелей.

Сергей Петрович посмотрел на закрытую дверь, но ответить не успел. За стеклом появилась Жанна. Синее платье скрывалось под расстёгнутым светлым пальто, волосы она собрала на затылке, а прозрачную статуэтку несла в руке вместе с маленькой серебристой сумкой. Жанна открыла дверь изнутри и несколько секунд молча смотрела на Маргариту, не обращая внимания на охранника. Улыбка, которую она удерживала на сцене, исчезла, оставив на лице усталость и раздражение.

— Пусти нас в салон, Сергей Петрович, — распорядилась Жанна и первой прошла между стойками. — Мы поговорим недолго. Потом я сама закрою.

Маргарита поставила коробку у двери и вошла следом. В помещении пахло новым деревом, тканью и дорогим ароматом, который продавцы распыляли перед открытием. На центральной стойке висели вещи из прежней коллекции, а вдоль стены уже подготовили свободные места для сегодняшних моделей. Над кассой светились белые буквы RITA. Маргарита выбирала их размер вместе с Жанной и спорила, что слишком крупная надпись будет давить на небольшое помещение. Тогда Жанна согласилась, а через неделю всё равно заказала буквы на треть больше.

Статуэтку она поставила на прилавок рядом с кассой. Под прозрачным основанием блеснула табличка с названием коллекции, а ниже стояло имя Жанны Ланской. Маргарита прежде не видела надписи так близко. На сцене буквы сливались в серебристую полоску, теперь же их можно было прочесть без усилия.

— Когда ты решила меня выгнать? — спросила Маргарита, снимая пальто и перекидывая его через спинку кресла. Ей не хотелось разговаривать стоя у двери, будто она пришла просить разрешения задержаться в чужом помещении. — Не сегодня. Коробку собрали до церемонии, значит, всё было готово раньше.

Жанна положила сумку рядом со статуэткой и медленно сняла пальто, стараясь не задеть волосы. На спине синего платья ровно лежала молния, а новый крючок оставался застёгнутым. Маргарита заметила это прежде, чем успела остановить привычный профессиональный взгляд, и от собственного внимания к чужой застёжке стало почти противно.

— Я не собиралась тебя выгонять в том смысле, который ты сейчас вкладываешь в это слово, — ответила Жанна, повесив пальто на край стойки. — Я хотела освободить тебя от ежедневной работы и предложить другой формат. После премии, спокойно, без этой сцены посреди зала.

— Ты объявила мой уход со сцены, — напомнила Маргарита, не повышая голоса. — Рассказала незнакомым людям, что я больна и больше не могу работать. В каком месте здесь предполагался спокойный разговор?

— Ты в последнее время выглядела измученной, — произнесла Жанна и раскрыла сумку, будто собиралась найти в ней что-то способное подтвердить её слова. — Ты оставалась в мастерской до ночи, раздражалась из-за каждой задержки, переделывала готовые вещи. Я не сказала, что ты тяжело больна. Состояние здоровья — вежливая причина, которой никто не станет интересоваться слишком подробно.

— Моего здоровья хватило, чтобы создать коллекцию, за которую ты только что получила награду, — сказала Маргарита и кивнула на статуэтку. — А потом оно почему-то закончилось ровно в тот момент, когда понадобилось назвать автора.

Жанна перестала искать в сумке и посмотрела на неё. В прежние годы они могли спорить до хрипоты из-за ткани, цены или неудачной рекламы, но в любом споре оставалось негласное понимание, что одна не станет отрицать существование другой. Сейчас Жанна словно перешла в комнату, куда Маргариту никогда не приглашали, и наконец заговорила оттуда своим настоящим голосом.

— Заявку на премию подавала я, — произнесла она, положив обе ладони на прилавок. — Все документы собирала я, с организаторами разговаривала я, презентацию оплачивала компания, которая оформлена на меня. Если бы я снова написала, что коллекцию создал большой коллектив под твоим руководством, нас поставили бы рядом с десятком производств и забыли. Им нужна была история конкретной женщины. Я дала им такую историю.

— Ты написала себя автором моих моделей, — возразила Маргарита. — Не управляющей, не владелицей салона и не человеком, который организовал продажи. Автором.

— Потому что отдельный эскиз ещё не является коллекцией, — ответила Жанна, и в её голосе впервые появилась злость, долго удерживаемая за спокойными объяснениями. — Кто нашёл деньги на первую ткань? Кто договорился с продавцами, когда никто не хотел брать наши вещи? Кто стоял на выставках по двенадцать часов и улыбался женщинам, которые сначала требовали скидку, а потом рассказывали, что швы у них дома лучше? Кто нанимал людей, искал помещение, отвечал за зарплаты и объяснял, почему платье должно стоить именно столько? Ты могла сидеть в мастерской и думать о линии плеча, потому что всем остальным занималась я.

Маргарита слушала и не находила в этих словах полной лжи. Жанна действительно делала всё перечисленное. Она первая вошла с тремя платьями в небольшой магазин, хотя хозяйка дважды отказывалась даже посмотреть на них. Она умела говорить с людьми, выдерживать унизительный торг и возвращаться после неудачи так, словно получила не отказ, а приглашение подумать. Маргарита никогда не пыталась отнять у неё эту часть общего дела. Тем яснее становилось, чего добивалась Жанна: признания собственного труда ей оказалось мало, если рядом продолжал существовать другой автор.

— Я никогда не говорила, что ты ничего не сделала, — произнесла Маргарита, отодвигаясь от прилавка. — Ни клиентам, ни сотрудникам, ни самой себе. Я не называла тебя женщиной, которая просто ходила и улыбалась, пока я строила марку. А ты сегодня назвала меня швеёй, воплощавшей твои идеи.

— Я сказала, что ты возглавила мастерскую, — возразила Жанна и раздражённо поправила статуэтку, хотя та стояла ровно. — И поблагодарила тебя перед всем залом. Можно было принять это достойно, а не вскакивать с места и устраивать разбор отношений перед камерами.

— Поблагодарила за то, чего я не делала, и присвоила то, что делала, — сказала Маргарита. — Ты рассчитывала, что я промолчу.

— Я рассчитывала, что ты не станешь разрушать RITA из-за нескольких формулировок, — ответила Жанна, отвернувшись к витрине. За стеклом проехала машина, и свет фар скольз-

нул по её лицу, на мгновение убрав следы усталости. — Мы обе получили от этого дела больше, чем имели семнадцать лет назад. У тебя была хорошая зарплата, выплаты после коллекций, возможность работать так, как тебе удобно. Никто не заставлял тебя продавать, улыбаться журналистам или выступать со сцены. Ты сама всегда уходила от камеры.

— Не хотеть сниматься и согласиться, чтобы меня не существовало, — не одно и то же, — ответила Маргарита. Она подошла к ближайшей стойке и провела пальцами по рукаву серого жакета, проверяя ткань уже не из необходимости, а потому что рукам требовалось знакомое движение. — Если тебе была нужна одна женщина для интервью, ты могла сказать мне. Я бы согласилась, чтобы говорила ты. Но ты решила, что для этого обязана стать ещё и мной.

Жанна повернулась резко, и подол синего платья задел ножку кресла. На её лице мелькнуло выражение, которого Маргарита прежде не видела или не хотела замечать: не страх разоблачения, а обида человека, слишком долго считавшего себя недооценённым. Жанна словно ждала этой возможности объяснить, почему право говорить переросло у неё в право присваивать.

— А что изменилось бы, если бы я сказала? — спросила она, скрестив руки на груди. — Ты бы потребовала вписать себя в заявку. Потом отказалась бы идти на интервью, потому что там яркий свет, глупые вопросы и тебе некогда. Они всё равно снимали бы меня, а внизу появилась бы строчка о женщине, которая якобы всё придумала, пока я только продавала. Я семнадцать лет слышу одно и то же: «У вас прекрасный мастер, вам повезло». Будто сама я случайно оказалась рядом и научилась красиво произносить название.

— Значит, ты решила доказать, что мастера не было, — сказала Маргарита и убрала руку с жакета. — Так проще, чем потребовать уважения к собственной работе.

Жанна сжала губы и несколько мгновений молчала. За стеной, в глубине помещения, тихо щёлкнула система вентиляции. Обычно ночной салон не казался Маргарите пустым: здесь оставались запахи покупательниц, следы прикосновений на зеркалах, забытые продавцами чашки и платья, ожидавшие завтрашнего дня. Сегодня всё выглядело подготовленным к жизни без неё, хотя она ещё утром поправляла на этих стойках расстояние между вешалками.

— Решение уже принято, Рита, — произнесла Жанна, смягчив голос. — И его не обязательно превращать в войну. Завтра тебе перечислят обычную выплату за коллекцию, к ней я добавлю шесть месячных окладов. Ты подпишешь заявление, что уходишь по собственному желанию и не имеешь претензий к компании. Никто не станет запрещать тебе шить для себя или брать отдельные частные заказы, если захочется.

— Не называй меня сейчас Ритой, — попросила Маргарита, и Жанна удивлённо вскинула брови. — Это имя ты только что объявила выдуманным образом, который придумала сама. Давай хотя бы без домашнего обращения, пока ты объясняешь, сколько стоит моё исчезновение.

— Не передёргивай, — сказала Жанна и достала из сумки сложенный лист. — Название марки принадлежит компании, и ты всегда это знала. Мы говорим не о твоём имени в паспорте, а о деле, которое должно продолжать работать. Двенадцать человек не обязаны потерять зарплату потому, что ты решила выяснить, кто важнее.

Она развернула лист на прилавке и придвинула его к Маргарите. Текст был напечатан заранее, внизу оставалось место для подписи и даты. Маргарита не стала читать всё. Первых строк хватило, чтобы увидеть знакомые выражения о добровольном решении, благодарности компании и прекращении ежедневной работы по личным обстоятельствам. Жанна подготовила не только коробку и блокировку пропуска. Она заранее написала за Маргариту слова, которыми та должна была подтвердить собственное удаление.

— А что будет с мастерской? — спросила Маргарита, не прикасаясь к листу. — Кто закончит заказы и будет готовить следующую коллекцию?

— Производством займётся Алина, — ответила Жанна после короткой паузы. — Она молода, но быстро учится. Ей помогут два специалиста, с которыми я уже договорилась. Мы разделим обязанности, чтобы всё не зависело от одного человека.

— Алина не готова руководить всей мастерской, и ты это знаешь, — сказала Маргарита. — Она способная, но пока не умеет доводить модель от рисунка до готовой партии. Двух специалистов я не видела. Когда ты успела их найти?

— В последние месяцы, — призналась Жанна, не отводя взгляда. — Пока ты была занята коллекцией. Именно поэтому я говорю, что переход подготовлен и никто не останется без работы.

— Кроме меня.

— Тебе предлагают деньги и свободу, — возразила Жанна. — Ты сможешь отдыхать, заниматься частными заказами, быть с Верой. Если возникнут сложные вопросы, мы будем приглашать тебя на консультации и отдельно платить. Не каждый день, не на износ, а тогда, когда твой опыт действительно понадобится.

Маргарита посмотрела на неё, не сразу поверив, что услышала правильно. Жанна не собиралась отказываться от её работы. Она хотела оставить себе возможность позвонить, принести неудавшуюся модель и получить решение, но теперь уже как услугу человека, не имевшего права спорить, появляться перед публикой или называть вещь своей. Маргарите предлагали не отдых, а удобную невидимость, за которую собирались платить ровно столько, чтобы она не мешала продолжать прежнюю историю.

— Ты выгнала меня до награждения и уже сейчас признаёшь, что без моих консультаций не уверена в новых людях, — произнесла Маргарита, отодвигая лист обратно. — При этом хочешь, чтобы я согласилась: все эти годы автором была ты.

— Я хочу, чтобы ты перестала делить живое дело на отдельные эскизы и подписи, — ответила Жанна. — Люди покупают RITA, а не листы из твоей тетради. У них есть доверие к марке, и это доверие создавала я. Если ты начнёшь кричать, что всё украдено, пострадают сотрудники, продавцы и клиентки, которые вообще не виноваты в наших разногласиях.

— Пока я молчала, разногласий у нас не было, — сказала Маргарита. — Они появились только тогда, когда я назвала вслух то, что знали в мастерской.

— Ты назвала это перед камерами, — напомнила Жанна, и её голос снова стал жёстким. — Сейчас видео уже расходится. Завтра люди будут обсуждать не коллекцию, а двух женщин, которые не поделили награду. Ты понимаешь, сколько лет работы можешь испортить одним выступлением?

Маргарита вспомнила лица в зале, поспешно поднятые телефоны и ведущую, забиравшую микрофон. Возможность скандала пугала её не меньше, чем Жанну. Она никогда не хотела превращать работу в выяснение отношений, не умела отвечать на насмешки незнакомых людей и не представляла, как объяснять семнадцать лет одним коротким сообщением. Жанна знала это лучше всех. Именно на этот страх она и рассчитывала, когда готовила речь.

— Видео появилось не потому, что я встала, — ответила Маргарита, посмотрев на подругу. — Оно появилось потому, что ты солгала со сцены. Если бы ты получила награду как человек, который построил продажи и сделал марку известной, я бы аплодировала тебе громче всех. Ты решила получить ещё и мою работу, а теперь обвиняешь меня, что я испортила красивый момент.

Жанна провела ладонью по лицу, осторожно, чтобы не размазать макияж. На несколько секунд она показалась Маргарите прежней: уставшей женщиной, с которой они могли закрыть салон поздно вечером, снять тесные туфли и спорить, какую ткань заказать на следующий сезон. Но затем Жанна выпрямилась и снова взглянула на лежавший между ними лист.

— Не подписывай сегодня, если не можешь, — сказала она уже тише. — Возьми домой, прочитай утром. Деньги я всё равно готова выплатить. Только не делай новых заявлений до нашего разговора.

— Сначала убери публикацию о здоровье и напиши, что я не принимала решения об уходе, — потребовала Маргарита. — После этого мы сможем обсуждать всё остальное.

— Я не стану менять официальную позицию компании через час после премии, — ответила Жанна. — Это будет выглядеть так, будто мы не контролируем собственные слова.

— Ты и не контролируешь мои слова, — сказала Маргарита, не беря приготовленный лист. — Поэтому не можешь написать заявление от моего имени и ждать, что я его подпишу.

Жанна отступила от прилавка и медленно застегнула пальто. Разговор для неё закончился в тот момент, когда стало ясно, что Маргариту не удастся убедить сразу. Она убрала лист обратно в сумку, но статуэтку оставила на месте, словно уже определила для неё постоянное место рядом с кассой. Прозрачные грани ловили свет вывески, и серебряное имя Жанны внутри основания казалось вырезанным глубже, чем было на самом деле.

— Рабочие папки останутся здесь, — произнесла она, направляясь к двери. — Это архив компании, а не твоя личная собственность. Если у тебя в кабинете остались вещи, которых нет в коробке, напиши администратору, и она всё проверит. В мастерскую без согласования я тебя не пущу, потому что после сегодняшнего не могу быть уверена, что ты не заберёшь модели или материалы.

Маргарита почувствовала, как внутри поднимается горячая, почти удушливая волна. Семнадцать лет она следила, чтобы ни один обрезок дорогой ткани не исчезал без записи, возвращала случайно переплаченные поставщикам деньги и однажды проехала через весь город, чтобы отдать клиентке забытую в кармане брошь. Жанна знала это и всё равно выбрала обвинение, которое позволяло оправдать закрытую дверь.

— У меня дома достаточно собственных тетрадей, чтобы не воровать копии у тебя, — ответила Маргарита. Она взяла пальто со спинки кресла и надела его, не торопясь, хотя пальцы плохо слушались. — Не уничтожай и не меняй даты в архиве. Рано или поздно придётся объяснить, кто рисовал эти модели и кто приносил их в мастерскую.

— Никто ничего не собирается уничтожать, — сказала Жанна, открывая дверь в вестибюль. — Но если ты решишь воевать, не жди, что я позволю разрушить компанию из чувства вины. Я тоже отдала ей семнадцать лет.

— Именно поэтому ты могла взять только свою часть, — произнесла Маргарита, поднимая коробку. — Я никогда у тебя её не отнимала.

Сергей Петрович находился у себя и делал вид, что изучает журнал посетителей. Жанна коротко сказала ему закрыть салон после их ухода, затем прошла к служебному выходу, не попрощавшись. Её каблуки глухо простучали по плитке, и через несколько секунд дверь за ней захлопнулась. Маргарита осталась с коробкой в руках перед погасшей панелью пропуска. Охранник поднялся, хотел что-то сказать, но она покачала головой, давая понять, что ни объяснений, ни сочувствия от него не требуется.

Коробка мешала застегнуть пальто, поэтому до машины Маргарита несла её обеими руками. Дождь усилился, прозрачная лента сразу покрылась мелкими каплями, а картон начал темнеть по краям. Она поставила вещи на заднее сиденье, села за руль и некоторое время не заводила двигатель. Сквозь мокрое стекло виднелись освещённые окна салона, белые буквы RITA и силуэт Сергея Петровича, обходившего помещение перед закрытием. Маргарита знала расположение каждой розетки, каждую неровность пола и то, какая створка шкафа заедает в сырую погоду. Теперь туда нельзя было войти без разрешения женщины, которая ещё несколько часов назад просила её заменить крючок на платье.

Дома Маргарита поставила коробку посреди прихожей и только тогда заметила пропущенные звонки от Веры. Дочь звонила четыре раза, потом написала, что увидела отрывок с

церемонии и просит немедленно сообщить, где мать находится. Маргарита набрала короткий ответ, уверив, что уже дома и поговорит с ней утром. Рассказывать всё по телефону, стоя в пальто рядом с коробкой, она не могла, а Вера, получив несколько спокойных слов, всё равно написала, что приедет рано.

Маргарита сняла мокрую одежду, включила свет на кухне и вернулась к коробке с ножницами. Внутри лежали запасные туфли, серый кардиган, чашка с потёртой надписью, крем для рук, деревянная линейка и фотография, сделанная на десятилетии RITA. На ней они с Жанной стояли рядом перед первым большим салоном, обе уставшие и довольные, а между ними Вера держала торт с четырьмя белыми буквами. Снимок был вставлен в недорогую рамку, которая раньше стояла на полке в кабинете Маргариты. Теперь рамку завернули в ткань так аккуратно, будто боялись повредить воспоминание, прежде чем вернуть его бывшей владелице.

Она отнесла коробку на кухню, открыла шкаф над холодильником и достала две старые тетради. Первую Маргарита начала ещё до появления RITA: на пожелтевших страницах оставались рисунки трёх платьев, которые Жанна когда-то понесла продавать. Во второй хранились записи за следующие годы, кусочки ткани, даты примерок и фамилии первых клиенток. Более новые тетради лежали в спальне, а часть переписки сохранялась в личной почте. Жанна забрала помещение и рабочий архив, но не могла забрать прошлое целиком, потому что слишком долго не считала домашние записи чем-то важным.

Телефон снова завибрировал. На этот раз появилось уведомление от официальной страницы RITA. Маргарита открыла публикацию и увидела фотографию Жанны со статуэткой, сделанную всего час назад. Под снимком сообщалось, что марка вступает в новый этап развития, а Маргарита Арсеньева, много лет возглавлявшая мастерскую, покидает ежедневную работу по состоянию здоровья. Жанна благодарила её за преданность, просила подписчиков уважать личное пространство «давней сотрудницы» и обещала сохранить лучшие традиции команды.

Комментарии появлялись один за другим. Незнакомые женщины желали Маргарите выздоровления, благодарили за труд и восхищались тем, как бережно Жанна провожает человека, стоявшего у истоков мастерской. Одна покупательница написала, что руководителю RITA приходится нелегко, раз даже в праздничный вечер она думает о заболевшей сотруднице. Несколько человек спрашивали, серьёзно ли состояние Маргариты и можно ли передать ей цветы через салон.

Маргарита читала, пока буквы не начали расплываться. Она не плакала и не чувствовала желания разбить чашку или швырнуть телефон в стену. Вместо этого пришло тяжёлое, холодное понимание: Жанна не просто сообщила ложь со сцены, а сразу закрепила её письменно, пока зрители ещё возвращались домой. Если Маргарита промолчит до утра, у выдуманной истории появится несколько часов преимущества и сотни сочувствующих свидетелей.

Она сделала снимки публикации и комментариев, сохранила их в отдельную папку и только после этого заметила новое сообщение от Олега. Он писал без длинных вступлений: после церемонии Жанна попросила его подтвердить дальнейшую съёмку коллекции и согласиться с подписью, называющей её автором. Олег отказался и сообщил, что больше не работает с RITA. В конце он добавил, что видел, кто создавал вещи последние пять лет, и не намерен утверждать обратное ни ради денег, ни ради удобства.

Маргарита перечитала сообщение и ответила, что добралась домой и благодарна ему за прямоту. Она не просила публиковать заявления, передавать фотографии или занимать её сторону перед журналистами. Сейчас было достаточно знать, что хотя бы один человек увидел произошедшее и не согласился назвать ложь обычной частью рекламы. После отправки Маргарита положила телефон рядом с тетрадями, развернула первую на странице с тремя старыми платьями и начала собирать всё, что Жанна не успела закрыть за стеклянной дверью салона.

Глава 3. То, что осталось дома

К утру дождь перестал, но небо за кухонн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.